

§6 МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Харкевич М.В.

ФОРМЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ТИПЫ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о факторах, детерминирующих выбор государством определенной формы публичной дипломатии. Автор выделяет две формы публичной дипломатии – иерархическую и сетевую – в соответствии с двумя доминирующими структурами социальных отношений. Также выделяется три типа государств по критерию их отношения к суверенитету как ценности: государства модерна, государства премодерна и государства постмодерна. Для модернистских государств суверенитет является наивысшей ценностью. Для государств постмодерна ценность суверенитета сохраняется, но не является наивысшей. Данные государства готовы обменивать свой суверенитет на социально-экономическую эффективность. Государства премодерна представлены либо несостоявшимися государствами, либо традиционными государствами, в которых на первом месте находятся ценности религии, этноса, рода. Методология исследования основана на сравнительном анализе. Кроме того для сопоставления тип государств и форм публичной дипломатии используется матричный анализ. В ходе анализа вариативности форм публичной дипломатии и условий ее детерминации были установлены следующие положения. Во-первых, в определенном смысле детерминантой вариативности форм публичной дипломатии является структура социальных отношений, в рамках которой она реализуется. Во-вторых, выбор сетевой или иерархической формы публичной дипломатии во многом зависит от типа государства, которое прибегает к инструментарию публичной дипломатии. Так, государства модерна и постмодерна более склонны к иерархическим формам публичной дипломатии, а государства постмодерна чаще выбирают сетевую форму публичной дипломатии. Суверенитет, понимаемый как стремление к автономии, более соот-

Работа выполнена по гранту РГНФ № 15-37-11128

ветствует иерархической форме публичной дипломатии, которая как следствие чаще используется государствами модерна. Отход от суверенитета как высшей ценности позволяет государствам постмодерна чаще прибегать к сетевой публичной дипломатии, которая в долгосрочной перспективе эффективнее иерархической формы. Государства премодерна могут использовать обе формы публичной дипломатии, если это позволяют их ресурсы.

Ключевые слова: публичная дипломатия, государство, иерархия, сети, модерн, постмодерн, премодерн, медиативная дипломатия, мировая политика, пропаганда.

Abstract. The article examines the factors determining the choice of a public diplomacy form. The author identifies two basic forms of public diplomacy – a hierarchical and a network – corresponding to two dominant structures of social relations. The article also identifies three types of states based on the criteria of a state attitude towards a value of sovereignty: modern, premodern and postmodern. The analysis of variability of forms of public diplomacy and the conditions of its determination have produced the following results. First, in certain way the determinant of variability of the forms of public diplomacy is the structure of social relations, within the framework of which it is being implemented. Second, the choice of the network or hierarchical form of public diplomacy mostly depends on the type of state, which uses the instruments of public diplomacy. Modern and postmodern states are more prone to hierarchical forms of public diplomacy, and the postmodern more often choose the network form of public diplomacy. Sovereignty being understood as strive for autonomy rather corresponds with the hierarchical form of public diplomacy, which is more often used by the modern states. Deviation from sovereignty as the highest value allows the postmodern allows using the network public diplomacy, which in the long-term perspective is more efficient than the hierarchical form. Premodern states can use both forms of public diplomacy if permitted by their resources.

Key words: mediated diplomacy, premodernism, postmodernism, modernity, networks, hierarchy, government, public diplomacy, world politics, propaganda.

Публичная дипломатия явление далеко не новое, однако на современном этапе своего развития в ней проявились новые аспекты, связанные с новыми формами влияния в мировой политике. Однако не всем странам они доступны в равной мере и не все страны способны их эффективно использовать. Цель данной статьи заключается в инвентаризации форм публичной дипломатии и определении условий, при которых государства могут использовать их в полном объеме или частично для реализации своих внешнеполитических целей.

Публичная дипломатия понимается в данной работе как оказание влияния на зарубежное общество с целью распространения в нем необходимых ценностей и идей. История попыток влиять на общества зарубежных стран уходит далеко в древность. Признаки такой практики можно найти на страницах Библии, в истории Рима и Византии, итальянских государств Ренессанса. Особое внимание репутации своего

государства за рубежом уделял кардинал Ришелье. Прорыв в практиках публичной дипломатии произошел с изобретением печатного станка. В печатной форме информацию о государстве, его политике и ценностях распространять стало проще, дешевле и можно было добиться массовости, учитывая, конечно, ограничения связанные с уровнем грамотности среди населения средневековых европейских государств.

Роль публичной дипломатии резко возросла в начале 20 века, когда общественное мнение стало иметь значение в международной политике. К концу 20 века волны демократизации постепенно укрепили и распространили по миру общественное мнение как значимый политический фактор. Кроме того публичная дипломатия является одним из инструментов укрепления и использования «мягкой силы» государства. Значение «мягкой силы» усиливается в мировой политике, особенно во взаимоотношениях цивилизационно близких и экономически взаимосвя-

висимых государств. Так, в широко цитируемом докладе министерства иностранных дел Германии от 2002 г. о роли посольств государств ЕС в других государствах ЕС авторы утверждают, что по многим вопросам во взаимоотношениях таких государств публичная дипломатия является главным приоритетом [22]. Такое же значение публичная дипломатия имеет в и американо-канадских отношениях, и в отношениях между государствами Юго-восточной Азии. Рост взаимозависимости в мире усиливает значение и публичной дипломатии.

Профессионально публичной дипломатией стали заниматься в Европе после Первой мировой войны. Однако только в США публичная дипломатия обрела и свое имя, и институциональное воплощение в виде специализированных подразделений Государственного департамента и специальных программ. Еще в 1930-ые годы сотрудники Госдепа стали создавать так называемый «беспроводной файл» (wirelessfile) – ежедневные информационные материалы о политике США для иностранных СМИ. В 1938 г. при Госдепе был создан Отдел по делам культуры, который специализировался на культурных и академических обменах со странами Латинской Америки. С 1942 г. в Европе стало вещать радио «Голос Америки». После Второй мировой войны американцы использовали инструменты публичной дипломатии для «переучивания» Германии и Японии: создавались специальные журналы, снимались документальные фильмы и т.д. В 1952 г. социологические опросы западных немцев показали, что образ США у них складывался главным образом из информации от соотечественников, которые побывали в США. После этого американцы значительно расширили финансирование программ академического и профессионального обмена. Десять лет спустя 31% членов Бундестага, 53% Бундесрата и 70% кабинета министров ФРГ были выпускниками какой-либо американской обменной программы [14].

В 1948 г. при Государственном департаменте была создана Консультативная комиссия по общественной дипломатии. Задача данной комиссии заключалась в распространении среди иностранных обществ информации о политике США. Эта комиссия работает до сих пор, с 2013

г. она ежегодно выпускает доклад по публичной дипломатии и международной активности в сфере телерадиовещания (Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting Activities).

К публичной дипломатии государства обращаются из необходимости. Становление Соединенных Штатов в качестве нового гегемона после Второй мировой войны не могло состояться без формирования нового исторического блока (по А. Грамши). Публичная дипломатия в этой ситуации незаменима как инструмент легитимации нового гегемона. Необходимо было разъяснять и объяснять обществам иностранных государств, почему новый порядок справедлив и необходим. ФРГ прибегла к публичной дипломатии (politische Öffentlichkeitsarbeit) для идеологической реабилитации Германии после нацизма и интеграции ее в сообщество западных демократий. Франция также использовала публичную дипломатию для преодоления своего национального унижения времен Второй мировой войны путем укрепления национального величия Франции, ее истории и культурной уникальности. Нидерланды всерьез задумались о публичной дипломатии относительно недавно, чтобы оправдать свою чрезмерно либеральную и далеко не всеми разделяемую политику в отношении эвтаназии и наркотикам. Европейские государства после демократического транзита активно использовали инструменты публичной дипломатии, чтобы укрепить свои заявки на вхождение в ЕС и НАТО. Это относилось и к постфранкской Испании и к постсоветским странам Прибалтики. Индонезия стала использовать публичную дипломатию, чтобы вернуть туристов на свои курорты после террористических атак в 2002 г. Активизация публичной дипломатии США после 2001 г. объясняется необходимостью выстраивания кооперативных отношений с исламским миром в условиях войны против исламских радикалов.

Эти примеры подсказывают, что Россия во время и после украинского кризиса неизбежно обратится к инструментарию публичной дипломатии для восстановления своего пошатнувшегося международного имиджа [34; 36]. Такие усилия предпринимаются уже сегодня главным

образом в сфере телерадиовещания. Поэтому тематика публичной дипломатии является для современной России крайне актуальной и имеет стратегическое значение [6; 7].

Проблематика публичной дипломатии хорошо проработана с теоретической точки зрения [17; 2]. Изучены как отдельные теоретические аспекты этого явления [12; 13], так и общие вопросы [17]. В целом, проблематику публичной дипломатии можно разделить, по крайней мере, на пять самостоятельных тем: 1) акторы публичной дипломатии; 2) объект публичной дипломатии; 3) социальные структуры публичной дипломатии, 4) методология оценки эффективности публичной дипломатии; и 5) подготовка карьерных дипломатов к участию в публичной дипломатии. Предметом настоящего исследования является только одна из них, а именно – социальные структуры публичной дипломатии. Тем не менее, описание остальных пяти тем позволит рассмотреть социальные структуры публичной дипломатии в соответствующем контексте.

Актором публичной дипломатии может быть любое активное действующее образование в мировой политике, от государства до отдельного индивида. С активизацией деятельности негосударственных акторов в мировой политике их роль в публичной дипломатии также существенно возросла [37]. Многие глобальные телерадиовещательные компании, СМИ являются негосударственными. Частный статус также имеет большинство производителей как популярной, так и высокой культуры. Массовый характер приобрели туризм и учеба за рубежом. Сегодня к туристу и террористу как олицетворениям новой акторности в мировой политике следует прибавить еще и иностранного студента.

Вспомнив террориста, следует отметить, что публичную дипломатию не следует рассматривать исключительно в качестве позитивного феномена, направленного на развитие сотрудничества и взаимопонимания между странами. Акторами публичной дипломатии могут быть и террористы. Террор в отношении населения является инструментом политического влияния. Хотя следует признать, что этот инструмент далеко не самый эффективный. Как показывают исследования, террористы как правило добива-

ются совершенно обратной реакции от объекта террора. Даже если они преследовали ограниченные цели, такие как вывод войск противника, освобождение заключенных соратников и т.д., после терактов пострадавшее население начинает воспринимать террористов как угрозу своему физическому выживанию и поддерживает свои правительства не только в отказе выполнять требования террористов, но и в решении бороться с ними до победного конца. В результате и цели террористов оказываются не выполнены, и борьба против них ужесточена [10].

Объект публичной дипломатии сложно-составный. Исходя из классического определения публичной дипломатии Э. Гуллиона, можно выделить непосредственный и опосредованный объекты публичной дипломатии. Напомним это определение: «Под публичной дипломатией мы понимаем средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [18]. Непосредственным объектом, таким образом, является иностранное общество, а опосредованным объектом – иностранное правительство. Однако указанное выше определение публичной дипломатии Гуллион дал в 1965 г. С тех пор практика публичной дипломатии претерпела определенную трансформацию. В частности, иностранное правительство уже не выступает в качестве неотъемлемого объекта этой практики. Публичная дипломатия может ограничиваться только иностранным обществом. В частности, деятельность университетов по привлечению иностранных студентов не предполагает изменение внешнеполитического поведения государств, из которых студенты приезжают на учебу. С точки зрения университета единственным объектом его публичной дипломатии является иностранный студент. При этом, конечно, с точки зрения принимающего государства конечной целью является не иностранный студент, а внешнеполитическое поведение иностранного государства. Предполагается, что по возвращению на родину молодой специалист скорее всего со временем войдет в элиту своей страны и, имея опыт проживания и учебы в иностранном

государстве, будет стараться развивать с ним кооперативные, а не конфликтные отношения. Но коль скоро мы рассматриваем университет в качестве актора мировой политики, то и публичная дипломатия университета должна рассматриваться как самостоятельное явление [5]. Следовательно, объект публичной дипломатии не обязательно должен замыкаться на иностранном государстве.

Методология оценки эффективности публичной дипломатии является одним из наиболее актуальных исследовательских и практических вопросов. В США до конца 20 века основным критерием оценки эффективности были вложенные ресурсы в программы публичной дипломатии, а также интенсивность сопротивления этим программам со стороны иностранных государств. Однако измерить интернализацию распространяемых ценностей и идей в зарубежном обществе довольно сложно, если вообще возможно. Интересной работой на данную тему является доклад исследовательской группы Государственного департамента по методологии оценки эффективности публичной дипломатии от 2014 г. [14]. Основная идея доклада заключается в попытке замера изменения политического поведения государств. Однако однозначно объяснить какое-либо изменение в таком поведении инициативами в сфере публичной дипломатии вряд ли возможно.

Обучение дипломатов навыкам коммуникации с негосударственными акторами с помощью современных информационно-коммуникационных технологий является критически важной задачей. Следует отметить, что значительный объем классической дипломатической работы всегда заключался в установлении доверительных личных отношений с представителями элит принимающих стран. Сегодня такие отношения необходимо развивать не только с формальной, но и неформальной элитой и активно использовать в этих целях новые информационные технологии. Необходимо уметь развивать свои страницы в Facebook, Tweeter, VK и т.д. [33].

Структура социальных отношений, в которых развивается публичная дипломатия, также претерпела значительные изменения. Благодаря глобализации и научно-технологической рево-

люции связанной с информационными технологиями, произошло укрепление сетевой структуры социальных отношений. Если большую часть своей истории публичная дипломатия развивалась в рамках иерархических отношений, то сегодня доминирующее значение постепенно приобретают сетевые формы публичной дипломатии. Участие в ней принимают не только негосударственные акторы, для которых сетевая структура часто является органичной, но и сами государства, их министерства и ведомства [28]. Формируются транснациональные многоуровневые сетевые сообщества, связанные общей заинтересованностью в реализации определенной политической программы. Такие сетевые сообщества имеют различные наименования в академической литературе в зависимости от своей функциональной и содержательной специфики: политические сети (policy networks), эпистемические сообщества (epistemic communities) и т.д. Отличительной чертой этих сетевых сообществ является не только сетевая структура социальных отношений участвующих в них акторов, но и наличие общей идентичности между ними, которая и создает качество единого сообщества. Общая идентичность формируется на основе разделяемых представлений об общих угрозах, интересах и ценностях. Она может объединять совершенно разнотипных акторов в единую сетевую структуру: от государственных министерств до отдельных экспертов.

Сетевая публичная дипломатия является новой формой публичной дипломатии. В отличие от иерархической публичной дипломатии, сетевая публичная дипломатия носит диалоговый характер. В основе ее находится коммуникативная рациональность [24], направленная не на убеждение партнера, а на выявление наиболее убедительного аргумента, наиболее эффективного решения, которое до формирования сетевого сообщества было неизвестно и неочевидно.

К сожалению, сетевая форма публичной дипломатии пока малоизучена. Одной из причин этого заключается в том, что она не соответствует каноническому определению Э. Гуллиона, которое подразумевает государствоцентризм, так как конечным результатом публичной дипломатии по Гуллиону должно быть изменение

внешней политики. Внешняя политика, строго говоря, может быть только у государства. Конечным результатом сетевой публичной дипломатии является выработка решения, создание какого-либо общего проекта, решение какой-либо общей проблемы. Это может приводить к изменению внешнеполитического поведения государств, а может и нет. Следует, однако, помнить, что с процессуальной точки зрения дипломатия является специфической формой переговоров. Переговоры по определению возможны только тогда, когда невозможно добиться своих интересов в одностороннем порядке и необходимо прибегать к сторонней помощи. Переговоры подразумевают диалог. Наиболее благоприятной социальной структурой диалогового взаимодействия является как раз сеть, т.к. отношения в ней носят равноправный, горизонтальный характер. Следовательно, сетевые сообщества могут рассматриваться как форма публичной дипломатии [20].

Примерами сетевой публичной дипломатии являются различные сетевые сообщества в научной сфере (проект расшифровки ДНК, проект Большого андронного коллайдера), в экономической сфере (государственно-частные партнерства), в сфере безопасности (террористические сети).

Иерархическая публичная дипломатия тем не менее сохраняется. В отличие от сетевой дипломатии, которая выстраивается на горизонтальных связях между акторами мировой политики, иерархическая публичная дипломатия формируется вокруг вертикальных связей, идущих сверху вниз. Иерархические отношения основаны не на формировании общей идентичности, а на асимметричной взаимозависимости между акторами, благодаря чему более сильные акторы используют более слабых для достижения своих инструментальных целей. Иерархическая публичная дипломатия основана на инструментальной рациональности, направленной на реализацию заранее выработанного решения. С помощью инструментов иерархической публичной дипломатии акторы стремятся продвинуть и реализовать свои априорные интересы. Диалог между акторами в иерархических социальных структурах невозможен.

Большинство исследований по публичной дипломатии посвящено как раз ее иерархической форме. Цель таких исследований заключается, как правило, в выявлении наиболее эффективной стратегии улучшения образа государства в мировой политике. Можно выделить следующую эволюцию проблематики иерархической публичной дипломатии в теории международных отношений: от мягкой силы [21] к PR [16]. Концепция «мягкой силы» оказала значительное влияние на понимание публичной дипломатии. Первая волна исследований публичной дипломатии была связана с анализом инструментов мягкой власти в продвижении образа государства за рубежом: образовательные обменные программы [25], дипломатия гуманитарной помощи [19], медицинская [31], спортивная дипломатия [32].

Дальнейшая эволюция исследований была связана с включением в проблематику исследований медийной сферы. Исходя из того, что об иностранном государстве, его политике, экономике, культуре люди в большинстве своем узнают, как правило, через СМИ, важно оказывать корректирующее влияние на подачу информации в СМИ о своем государстве [27].

Основным механизмом влияния на подачу информации в СМИ является так называемый *frame-building*, который осуществляется через развитие своих глобальных СМИ, заказные редакционные статьи в ведущих мировых изданиях и т.д. [27]. Данная проблематика вошла в научную литературу под названием “*mediated public diplomacy*” [26].

Эффективный *frame building* зависит от учета языковых, культурных и когнитивных особенностей людей, воспринимающих новостную информацию. Создающийся фрейм должен быть органичен для иностранной культуры [15].

В отличие от публичной дипломатии, основанной на ресурсах мягкой силы, медиативная публичная дипломатия приносит быстрый и измеримый результат. Исторические примеры показывают, что внутри государств различным режимам именно через СМИ удавалось быстро и радикально изменить отношение одной группы населения к другой (например, в нацистской Германии дегуманизация евреев, в Руанде – дегуманизация тутси). За пределами на-

Государства, общественное мнение в которых ухудшилось по отношению к России

		2013		2014		Изменение (отриц)
		Полож.	Отриц.	Полож.	Отриц.	
1.	США	37	43	19	72	+29
2.	Польша	36	54	12	81	+27
3.	Великобритания	38	39	25	63	+24
4.	Испания	38	51	18	74	+23
5.	Германия	32	60	19	79	+19
6.	Италия	31	56	20	74	+18
7.	Франция	36	64	26	73	+9
8.	Греция	63	33	61	35	+2
9.	Турция	19	66	16	73	+7
10.	Египет	30	64	24	71	+7
11.	Иордания	25	70	22	75	+5
12.	Ливан	46	53	45	54	+1
13.	Тунис	35	37	35	38	+1
14.	Малайзия	47	22	34	38	+16
15.	Ю. Корея	53	33	43	48	+15
16.	Индонезия	43	33	38	43	+10
17.	Япония	27	64	23	69	+5
18.	Венесуэла	40	41	36	51	+10
19.	Аргентина	26	29	19	37	+8
20.	Бразилия	34	52	24	59	+7
21.	Чили	39	38	34	45	+7
22.	Эль Сальвадор	27	29	23	36	+7
23.	Мексика	28	38	21	44	+6
24.	Уганда	28	22	34	31	+9
25.	Сенегал	42	21	39	30	+9
26.	Гана	49	26	42	31	+5
27.	Кения	47	27	49	32	+5

Источник: Pew Research Center

Таблица 2

Государства, общественное мнение в которых улучшилось по отношению к России

		2013		2014		Изменение (отриц)
		Полож.	Отриц.	Полож.	Отриц.	
1.	Израиль	21	77	30	68	-9
2.	Палестина	29	57	41	46	-11
3.	Пакистан	19	32	11	29	-3
4.	Индия	45	23	39	16	-7
5.	Филиппины	35	52	46	43	-9
6.	Китай	49	39	66	23	-16
7.	Ю. Африка	26	53	25	51	-2
8.	Нигерия	38	30	41	27	-3

Источник: Pew Research Center

циональных границ правительство не обладает исключительными возможностями определять публичное информационное пространство, но оно может конкурировать в этой области с другими правительствами.

Хорошим примером эффективности медиативной публичной дипломатии является относительно положительное отношение израильтян к России в свете украинского кризиса. Из таблиц 1 и 2 видно, что из западных стран только Израиль улучшил свое отношение к России в 2014 г. Объяснить это обстоятельство можно тем, что в Из-

раиле проживает много выходцев из Советского Союза с близкими к россиянам когнитивными фреймами. Российское телевидение, широко вещаемое в Израиле, находит восприимчивых зрителей.

Особую актуальность медийная публичная дипломатия приобрела в связи с медиатизацией современных войн. В современной войне критическое значение имеет информационная победа. Побеждают истории, рассказанные в СМИ, а не танки. Эффективный frame-building является залогом медийной победы.

Наиболее влиятельным исследователем вопросов медийной публичной дипломатии является Тамир Шифер (Tamir Sheaffer), профессор коммуникации и политических наук Еврейского университета в Иерусалиме. Учитывая частые медийные скандалы, связанные с восприятием силовых операций Израиля против Хамаса и Хезболы, не удивительно, что вопросами медиативной публичной дипломатии активно занимается израильтянин в Иерусалиме.

Медиативная публичная дипломатия активно изучается в США. В России, Индии и Китае пока доминирует понимание публичной дипломатии, основанной на мягкой силе.

Одним из ключевых вопросов, связанных со структурой социальных отношений реализации публичной дипломатии является проблема соотношения типа государства с типом публичной дипломатии. Основная сложность этого вопроса связана с сетевой публичной дипломатией. Так как государство по своей сути является иерархическим актором, возникает вопрос, может ли оно быть частью сетевой публичной дипломатии и если да, то в какой форме.

Для ответа на данный вопрос необходимо коротко описать существующие типы государств, взяв за критерий типологизации отношение государства к институту суверенитета как основной ценности модерна, лежащей в основе современной системы международных отношений [9]. Суверенитет представляется важным институтом с точки зрения анализа сетевой публичной дипломатии. Аксиологическим синонимом суверенитета является автономия. Сетевое взаимодействие с одной стороны соотносится с ценностью суверенитета, с другой стороны противоречит ему. В рамках сети актор обладает полу автономией в том смысле, что он всегда может покинуть сеть. Нахождение актора в сети объясняется его сопричастностью ценностям, вокруг которых сеть сформировалась. Выход из сети будет означать разрыв с ранее разделяемыми ценностями. С другой стороны сетевые взаимодействия не означают и полную свободу. Акторы в сети являются частью общей ценностно-нормативной структуры, которая определяет их поведение. Акторы не свободны в этих отношениях в том смысле, что в своей деятельности

они должны реализовывать ценности сети. В ином случае они перестают быть ее частью.

Государство может быть частью сети, однако, будучи иерархическим институтом по своей сути, оно своей политической деятельностью неизбежно иерархизирует сеть, превращая ее в гибридную структуру. Такой процесс наблюдается сегодня в эволюции интернета [3]. Кроме того, если главной ценностью государства является суверенитет, тогда единственная устойчивая сеть, которую могут создать государства – это система государств, т.е. существующая система международных отношений [8].

Однако не все государства в равной степени разделяют верховенство ценности суверенитета. По критерию отношения к суверенитету можно выделить три типа государственности: модерн, премодерн и постмодерн. Для государств модерна, коих большинство в современной системе международных отношений, суверенитет является наивысшей ценностью. Все их усилия направлены на максимизацию своей независимости в мировой политике.

Государства постмодерна не отказываются от суверенитета, однако он не занимает верхнюю строчку списка ценностей этих государств. На первом месте среди ценностей для них находится эффективность [1]. Эффективность – довольно широкое понятие, что позволяет государству постмодерна встраиваться и формировать различные сети, если это делает их политику эффективнее, прежде всего в социально-экономической сфере [11; 23].

Государства премодерна также не отказываются от суверенитета, однако в качестве перво-степенной ценности рассматривают различные традиции, выражаемые в религии, семье, клане, этносе и т.д. Такие государства могут формировать сети на основе вышеперечисленных ценностей. Разнообразие сетей государств премодерна, конечно, ниже, чем у государств постмодерна, однако выше, чем у государств модерна [35].

Таким образом, наименее склонным к сетевому взаимодействию типом государственности является государства модерна. Государства модерна в отличие от государств других типов более склонны к иерархическим формам публичной дипломатии [30; 4; 29; 7; 6]. Примечательно, что

Пятерка лидеров публичной дипломатии

	Пятерка лидеров в 2013г (количество упоминаний)	Пятерка лидеров в 2014 г. (количество упоминаний)
Лидеры по упоминаниям в международной прессе как акторы публичной дипломатии по данным	1. США – 626 2. Китай – 202 3. Индия – 98 4. Израиль – 91 5. Россия – 60	1. США – 300 2. Китай – 160 3. Россия – 115 4. Индия – 110 5. Бразилия – 80

Источник: данные USC Center on Public Diplomacy.

Таблица 4

Соотношение типов государств и форм публичной дипломатии

	Иерархическая публичная дипломатия	Сетевая публичная дипломатия
Государство модерна	1	0
Государство постмодерна	0	1
Государство премодерна	1	1 (только в религиозной сфере)

1 – совпадение есть; 0 – совпадения нет.

именно государства модерна являются лидерами публичной дипломатии (см.: таблицу 3).

Инструментами иерархической публичной дипломатии кроме государств модерна также широко пользуются и государства постмодерна. Можно привести в пример государство Катар, который с помощью телеканала Аль-Джазира старается распространять на весь мир альтернативный западный новостной ряд. Государства премодерна используют также и сетевую публичную дипломатию, но преимущественно в религиозной сфере. К примеру «Исламское государство» активно применяет инструмент мягкой силы для привлечения сторонников по всему миру.

Иерархическая публичная дипломатия по своему содержанию во многом совпадает с пропагандой. Сетевая публичная дипломатия далеко отстоит от пропаганды, поэтому доверие к ней больше, а эффективность в долгосрочной перспективе выше. Государства постмодерна, конечно, могут прибегать к иерархической публичной дипломатии, но делают это редко, пользуясь преимущественно сетевыми формами публичной дипломатии.

Общее соотношение типов государств и форм публичной дипломатии представлено в таблице № 4.

Из таблицы видно, что тип государственности определяет выбор формы публичной дипломатии.

Таким образом, в ходе анализа вариативности форм публичной дипломатии и условий ее детерминации были установлены следующие положения. Во-первых, в определенном смысле детерминантой вариативности форм публичной дипломатии является структура социальных отношений, в рамках которой она реализуется. В работе было выделено две доминирующие формы социальных отношений: иерархическая и сетевая. Во-вторых, выбор сетевой или иерархической формы публичной дипломатии во многом зависит от типа государства, которое прибегает к инструментарию публичной дипломатии. Так, государства модерна и постмодерна более склонны к иерархическим формам публичной дипломатии, а государства постмодерна чаще выбирают сетевую форму публичной дипломатии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барабанов О.Н. Суверенные государства и глобальное управление // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Голден-Би, 2008. С. 81–90.
2. Долинский А. В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 275–280.
3. Зиновьева Е.С. Международно-политические аспекты развития Интернета // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 135–140.

4. Кривохиж С. В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2012. № 3. С. 103-112.
5. Лебедева М.М. Университет в сетевых отношениях современного мира // Ресурсы модернизации. Материалы VII Конвента Российской ассоциации международных исследований 28-29 сентября 2012 г. / Под ред. А.В. Мальгина-М.: Аспект Пресс, МГИМО (У), 2012. С. 322-326.
6. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешнеполитической деятельности РФ. Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 5. С. 90-105.
7. Нейматова А. Я. МИД России и новая публичная // Международные отношения. 2013. № 1. С. 80-85.
8. Фельдман Д.М. О правилах мировой политики // Вопросы философии.-2012. № 5. С. 35-47.
9. Харкевич М.В. Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С. 160-166.
10. Abrahms M. Why Terrorism Does Not Work // *International Security*. 2006. Vol. 31, No. 2, pp. 42-78.
11. Båtora J. Public Diplomacy Between Home and Abroad: Norway and Canada // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2006. No 1, pp. 53-80. doi:10.1163/187119006X101852
12. Cowan G., Cull N. J. Public Diplomacy in a Changing World // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 6-8. doi:10.1177/0002716207312143.
13. Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 31-54. doi:10.1177/0002716207311952
14. Data Driven Public Diplomacy: Progress Towards Measuring the Impact of Public Diplomacy and International Broadcasting Activities, 2014. Доступ: <http://www.state.gov/documents/organization/231945.pdf> (проверено 19.08.2015).
15. Fahmy S., Wanta W., Nisbet E. C. Mediated public diplomacy: Satellite TV news in the Arab world and perception effects // *International Communication Gazette*. 2012. No. 74(8), pp. 728-749. doi:10.1177/1748048512459144
16. Fitzpatrick K. Advancing the New Public Diplomacy: A Public Relations Perspective // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2007. No. 2(3), pp. 187-211. doi:10.1163/187119007X240497
17. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 55-77. doi:10.1177/0002716207312142
18. Gullion E. A. Definitions of public diplomacy. 1996. Доступ: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions> (проверено 19.08.2015).
19. Lancaster C. Foreign aid: Diplomacy, development, domestic politics. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2007. 288 p.
20. Metzl J. Network Diplomacy // *Georgetown Journal of International Affairs*. Spring-Winter, 2001. Доступ: <http://carnegieendowment.org/2001/04/01/network-diplomacy/dv3> (проверено 19.08.2015).
21. Nye, J. S. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616 (1), pp. 94-109. doi:10.1177/0002716207311699
22. Paschke K. T. Report on the Special Inspection of 14 German Embassies in the Countries of the European Union. Berlin: Auswärtiges Amt, 2002. Доступ: <http://grberidge.diplomacy.edu/paschke-report> (проверено 19.08.2015).
23. Potter E. Canada and the New Public Diplomacy // *International Journal*, 2002. No. 58(1), pp. 43-64. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/40203812>
24. Risse T. «Let's Argue!»: Communicative Action in World Politics // *International Organization*. 2000. Vol. 54, No. 1, pp. 1-39.
25. Schneider C. Diplomacy that works: "Best practices" in cultural diplomacy. Washington, DC: Center for Arts and Culture, Georgetown University. 2003. 16 p. Доступ: http://www.americansforthearts.org/sites/default/files/pdf/2013/by_program/afta_pubs/cac_pubs/Schneider.pdf (проверено 19.08.2015).
26. Sheaffer T., Gabay I. Mediated Public Diplomacy: A Strategic Contest over International Agenda Building and Frame Building // *Political Communication*. 2009. No. 26(4), pp. 447-467. doi:10.1080/10584600903297240Sheaffer&Shenhav, 2009
27. Sheaffer T., Ben-Nun Bloom P., Shenhav S. R., Segev E. The Conditional Nature of Value-Based Proximity Between Countries: Strategic Implications for Mediated Public Diplomacy // *American Behavioral Scientist*. 2013. No. 57(9), pp. 1256-1276. doi:10.1177/0002764213487732Sheaffer
28. Slaughter A. M. A new world order. Princeton University Press, 2009.
29. Suri N. Public Diplomacy in India's Foreign Policy. *Strategic Analysis*. 2011. No. 35(2), pp. 297-303. doi:10.1080/09700161.2011.542927

30. Wang Y. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 257–273. doi:10.1177/0002716207312757
31. Wise K. Public relations and health diplomacy // *Public Relations Review*. 2009. No. 35, pp. 127–129.
32. Xifra J. “Building sport countries” overseas identity and reputation: A case study of public paradiplomacy // *American Behavioral Scientist*. 2009. No. 53(4), pp. 504–515.
33. Бровко В.Ю. Основные подходы к концептуализации информационной политики // *Тренды и управление*.-2014.-4.-С. 441-449. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.4.13231.
34. А. Э. Галумов Перспективы публичной дипломатии и имиджа ЕС в России // *Международные отношения*.-2012.-1.-С. 118-127.
35. Зольнова М.Г. Общественная дипломатия Швеции // *Тренды и управление*.-2014.-2.-С. 137-146. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12407.
36. Галумов А. Э. Роль публичной дипломатии в формировании позитивного имиджа ЕС в России // *Национальная безопасность / nota bene*.-2012.-4.-С. 77-85.
37. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями // *Международные отношения*.-2013.-3.-С. 312-317. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.8977.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Barabanov O.N. Suverennye gosudarstva i global'noe upravlenie // «Privatizatsiya» mirovoi politiki: lokal'nye deistviya – global'nye rezul'taty / Pod red. M.M. Lebedevoi. – М.: Golden-Bi, 2008. S. 81–90.
2. Dolinskii A. V. Evolyutsiya teoreticheskikh osnovanii publichnoi diplomatii // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2011. № 2. S. 275-280.
3. Zinov'eva E.S. Mezhdunarodno-politicheskie aspekty razvitiya Interneta // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013. № 4. S. 135-140.
4. Krivokhizh S. V. «Myagkaya sila» i publichnaya diplomatiya v teorii i vneshnepoliticheskoi praktike Kitaya // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie. Afrikanistika*. 2012. № 3. S. 103-112.
5. Lebedeva M.M. Universitet v setevykh otnosheniyakh sovremennogo mira // *Resursy modernizatsii. Materialy VII Konventa Rossiiskii assotsiatsii mezhdunarodnykh issledovaniy 28-29 sentyabrya 2012 g.* / Pod red. A.V. Mal'gina-M.: Aspekt Press, MGIMO (U), 2012. S. 322-326.
6. Marchukov A. N. «Publichnaya diplomatiya 2.0» vo vneshnepoliticheskoi deyatel'nosti RF. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2014. № 5. S. 90-105.
7. Neimatova A. Ya. MID Rossii i novaya publichnaya // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. № 1. S. 80-85.
8. Fel'dman D.M. O pravilakh mirovoi politiki // *Voprosy filosofii*.-2012. № 5. S. 35-47.
9. Kharkevich M.V. Gosudarstvo v sovremennoi mirovoi politike // *Vestnik MGIMO–Universiteta*. 2010. № 6. S. 160–166.
10. Abrahms M. Why Terrorism Does Not Work // *International Security*. 2006. Vol. 31, No. 2, pp. 42–78.
11. Batora J. Public Diplomacy Between Home and Abroad: Norway and Canada // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2006. No 1, pp. 53–80. doi:10.1163/187119006X101852
12. Cowan G., Cull N. J. Public Diplomacy in a Changing World // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 6–8. doi:10.1177/0002716207312143.
13. Cull N. J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 31–54. doi:10.1177/0002716207311952
14. Data Driven Public Diplomacy: Progress Towards Measuring the Impact of Public Diplomacy and International Broadcasting Activities, 2014. Dostup: <http://www.state.gov/documents/organization/231945.pdf> (provereno 19.08.2015).
15. Fahmy S., Wanta W., Nisbet E. C. Mediated public diplomacy: Satellite TV news in the Arab world and perception effects // *International Communication Gazette*. 2012. No. 74(8), pp. 728–749. doi:10.1177/1748048512459144
16. Fitzpatrick K. Advancing the New Public Diplomacy: A Public Relations Perspective // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2007. No. 2(3), pp. 187–211. doi:10.1163/187119007X240497
17. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 55–77. doi:10.1177/0002716207312142
18. Gullion E. A. Definitions of public diplomacy. 1996. Dostup: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions> (provereno 19.08.2015).

19. Lancaster C. *Foreign aid: Diplomacy, development, domestic politics*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2007. 288 p.
20. Metz J. Network Diplomacy // *Georgetown Journal of International Affairs*. Spring-Winter, 2001. Dostup: <http://carnegieendowment.org/2001/04/01/network-diplomacy/dv3> (provereno 19.08.2015).
21. Nye, J. S. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616 (1), pp. 94–109. doi:10.1177/0002716207311699
22. Paschke K. T. Report on the Special Inspection of 14 German Embassies in the Countries of the European Union. Berlin: Auswärtiges Amt, 2002. Dostup: <http://grberridge.diplomacy.edu/paschke-report> (provereno 19.08.2015).
23. Potter E. Canada and the New Public Diplomacy // *International Journal*, 2002. No. 58(1), pp. 43–64. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/40203812>
24. Risse T. «Let's Argue!»: Communicative Action in World Politics // *International Organization*. 2000. Vol. 54, No. 1, pp. 1-39.
25. Schneider C. *Diplomacy that works: "Best practices" in cultural diplomacy*. Washington, DC: Center for Arts and Culture, Georgetown University. 2003. 16 p. Dostup: http://www.americansforthearts.org/sites/default/files/pdf/2013/by_program/afta_pubs/cac_pubs/Schneider.pdf (provereno 19.08.2015).
26. Sheaffer T., Gabay I. Mediated Public Diplomacy: A Strategic Contest over International Agenda Building and Frame Building // *Political Communication*. 2009. No. 26(4), pp. 447–467. doi:10.1080/10584600903297240Sheaffer&Shenhav, 2009
27. Sheaffer T., Ben-Nun Bloom P., Shenhav S. R., Segev E. The Conditional Nature of Value-Based Proximity Between Countries: Strategic Implications for Mediated Public Diplomacy // *American Behavioral Scientist*. 2013. No. 57(9), pp. 1256–1276. doi:10.1177/0002764213487732Sheaffer
28. Slaughter A. M. *A new world order*. Princeton University Press, 2009.
29. Suri N. Public Diplomacy in India's Foreign Policy. *Strategic Analysis*. 2011. No. 35(2), pp. 297–303. doi:10.1080/09700161.2011.542927
30. Wang Y. Public Diplomacy and the Rise of Chinese Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 616(1), pp. 257–273. doi:10.1177/0002716207312757
31. Wise K. Public relations and health diplomacy // *Public Relations Review*. 2009. No. 35, pp. 127–129.
32. Xifra J. "Building sport countries" overseas identity and reputation: A case study of public paradiplomacy // *American Behavioral Scientist*. 2009. No. 53(4), pp. 504–515.
33. Brovko V.Yu. Osnovnye podkhody k kontseptualizatsii informatsionnoi politiki // *Trendy i upravlenie*.-2014.-4.-C. 441-449. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.4.13231.
34. A. E. Galumov Perspektivy publichnoi diplomatii i imidzha ES v Rossii // *Mezhdunarodnye otnosheniya*.-2012.-1.-C. 118-127.
35. Zol'nova M.G. Obshchestvennaya diplomatiya Shvetsii // *Trendy i upravlenie*.-2014.-2.-C. 137-146. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12407.
36. Galumov A. E. Rol' publichnoi diplomatii v formirovanii pozitivnogo imidzha ES v Rossii // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*.-2012.-4.-C. 77-85.
37. Tsygankov P.A. Negosudarstvennye uchastniki mirovoi politiki: vzaimodeistvie s gosudarstvami i mezhpriavitel'stvennymi organizatsiyami // *Mezhdunarodnye otnosheniya*.-2013.-3.-C. 312-317. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.8977.